Когда наступила ночь, на заднем дворе дома Ли Гуаньци появился толстый деревянный столб. Юноша осмотрел его, и на губах заиграла лёгкая усмешка. Не долго думая, Ли Гуаньци принял стойку и начал тренировку.

Гулкие удары со стороны дома на полпути к вершине привлекли внимание гулявшей неподалёку девочки. Она взобралась на крышу и увидела, как юноша с длинным каменным ящиком за спиной энергично бьёт кулаками по деревянному столбу. После каждого удара во все стороны разлетались бесчисленные щепки, от которых он плавно ускользал. Девочка устроилась поудобнее и теперь смотрела во все глаза.

«Он как будто дерётся с воображаемым противником! Он потрясающий… хоть и слепой. Интересно, что у него на спине?..»

Закончив тренировку, взмокший Ли Гуаньци приготовился принять освежающую ванну. Он с нетерпением ждал первого урока в школе, а решение стать учеником Ли Наньтина казалось лучшим из возможных. Когда старик смотрел на него, Ли Гуаньци не видел в его глазах ничего, кроме доброжелательности.

Юноша снял со спины гроб мечей и с наслаждением погрузился в расслабляющую ванну. Девочка тихонько соскользнула с крыши во двор и крадучись направилась к его комнате. Ли Гуаньци прислушался, его лицо озарила улыбка, но не стал обращать внимания на юную шпионку. И тут…

— Ай!

Бам!

— Помогите…

Ли Гуаньци набросил одежду, метнулся к двери и вбежал в дом. Там он заметил маленькую фигурку, придавленную каменным ящиком, она отчаянно размахивала руками.

Наконец незадачливая шпионка выдавила:

— Помоги мне…

Ли Гуаньци поднял гроб мечей одной рукой, а другой вытащил из-под него девочку. Та даже не успела проглотить кусок мясной булочки, которую так и сжимала в руке.

Вдруг девочка скривила свою кукольную мордашку и заявила:

— Больно. Это всё из-за тебя!

Ли Гуаньци разобрал злой смех: сама забралась к нему в дом, уронила на себя гроб мечей и теперь винит во всём его. Он уже хотел высказаться, но заметил, что у неё багровеет лицо. Юноша опустился на колени и, осмотрев ребёнка, озабоченно спросил:

— В груди болит?

Юй Суянь захлюпала носом, глаза покраснели, по щекам потекли слёзы размером с боб, она кивнула. Ли Гуаньци поспешил её успокоить:

— Всё будет хорошо, всё будет хорошо. Только не двигайся. Я сейчас оденусь и отнесу тебя к кому-нибудь.

Ли Гуаньци быстро зашёл в комнату, оделся, подхватил девочку на руки и бросился к двери.

«Нужно найти учителя!»

Возможно, гроб мечей сломал ей рёбра. По дороге Ли Гуаньци продолжал успокаивать её, мягко расспрашивая:

— Как тебя зовут? Я видел тебя уже два раза, но не знаю, как тебя зовут.

Чувствуя, что боль понемногу утихает, она откусила от булочки ещё и ясным голосом ответила:

— Юй Суянь. Мне шесть лет.

Ли Гуаньци кивнул, приятно удивлённый благозвучностью её имени. Когда они дошли до дома Ли Наньтина, Ли Гуаньци с облегчением отметил, что старик ещё не спит. Пока он рассказывал что случилось, Юй Суянь забралась в кровать и быстро уснула.

Глядя, как уютно она устроилась в кровати старейшины, Ли Гуаньци не сдержал любопытства.

— Кто эта девочка? Я видел её на пике два раза.

Ли Наньтин подоткнул одеяло и ласково погладил малышку по голове.

— У малютки Булочки нет родителей. Я подобрал её три года назад, когда спускался в долины.

— Подобрали?

— Да, подобрал. Три года назад в северных землях Великой Ся случился страшный голод. Два

года засухи привели к неурожаю, я спустился с гор, чтобы призвать заклинаниями дождь. Тогда я и увидел её, сидящую у обочины рядом с телом умершей от голода женщины. Я забрал малышку с собой, а по дороге поделился горячей мясной булочкой. И до сих пор помню, как засияли её глаза. Она сказала, это самое вкусное, что она ела в жизни.

Ли Гуаньци молча слушал историю маленькой девочки, вспоминая себя в её возрасте. Похоже, им обоим пришлось в этой жизни несладко... Неудивительно, что оба раза, когда он видел Юй Суянь, та не выпускала из рук мясные булочки. Её прошлое тоже отмечено печалью.

Старик задумчиво посмотрел на Ли Гуаньци.

— Вижу, ты ей сочувствуешь.

Ли Гуаньци поднял глаза к ночному небу и горько произнёс:

— Да... когда-то я кремировал тело своей сестры за выделенные на похороны деньги. Десять медных монет. А дома собственными руками убил дальнего родственника, который спускал всё в игорных домах. Из-за него моя мать серьёзно заболела и умерла. Когда я нёс прах сестры домой, валил снег, по дороге я купил на оставшиеся деньги две паровые булочки. Чёрствые, твёрдые как камень, тогда они казались мне пищей богов. Тем вечером мне пришлось сходить в похоронное бюро дважды.

Ли Гуаньци говорил тихо, его голос звучал спокойно и ровно, совершенно бесстрастно. Но старик видел его полные боли глаза и обнял юношу за плечи.

— Всё хорошо, теперь всё в прошлом. Впредь считай своего учителя и соучеников новой семьёй, а Пик Небесного Грома — своим домом.

Потом они ещё долго сидели во дворе и молчали.

На следующее утро Ли Гуаньци проснулся не у себя и понял, что уснул на плече у старика. Он был в комнате Ли Наньтина. До рассвета оставалось два часа, старик сидел на циновке, погружённый в медитацию.

Ли Гуаньци встал, быстро умылся и вышел во двор потренироваться. Каждый его удар, кулаком ли, ногой, был твёрдым и точным, каждое движение сопровождалось порывом ветра.

Старик вышел на порог и молча смотрел, одобрительно кивая.

Ли Гуаньци отрабатывал этот комплекс восемь лет и теперь полностью контролировал каждый

нюанс движения. Годы непрерывного изучения боевых искусств и отработки техники довели его владение всеми, даже самыми маленькими мышцами собственного тела, до совершенства.

Закончив ежедневную тренировку, Ли Гуаньци повернулся и увидел у себя за спиной старика. Тот одобрительным жестом похвалил юношу, а потом сам повторил комплекс, только что отработанный Ли Гуаньци.

Юноше казалось, он наблюдает за перетекающими друг в друга струями воды. Настолько грациозными и свободными были движения старика. Воодушевлённый Ли Гуаньци восторженно наблюдал за учителем.

Заметив вдохновенное лицо юноши, старик сказал:

— Хорошо, ты поймёшь суть позже, когда осмыслишь. А пока поторопись на Пик Небесной Воды, не то опоздаешь. Лань Хи не любит опоздания.

Только после этого до Ли Гуаньци дошло, что уже рассвело. Он привёл себя в порядок и перед уходом поклонился Ли Наньтину.

— Мастер, я пойду.

— Ха-ха, ладно, ладно, иди уже.

http://tl.rulate.ru/book/98242/3564212